

Особенности информационного общества

Одной из важных и одновременно очень сложных проблем, возникающих при осмыслении бытия общества, является проблема его периодизации. Желание человека выделить в своей родовой истории определенные этапы обуславливается многими факторами: стремлением размежевать качественно отличающиеся её отрезки, необходимостью интерпретации конкретных социальных явлений и процессов в контексте пластов соответствующего исторического времени, потребностью определения стратегических векторов общественного развития и др. Далеко не последнее место среди этих факторов занимает потребность постоянной идентификации настоящего в общем потоке истории, определения статуса современности в целостном общественном процессе. Если прошлое интересно исследователю как поле социального опыта, дающее скудный или обильный урожай для теории и практики, то адекватное понимание специфики нынешнего этапа бытия социума – важное условие жизнедеятельности людей не только сейчас, но и в будущем. «Самый надежный способ предугадать будущее – понять настоящее» [1, с.10]. Науке и философии известны многие попытки, успешные и не совсем, периодизации человеческой истории. Её современный этап все чаще называют информационным обществом.

Первые упоминания о нем появляются в литературе в начале 60-х годов прошлого столетия, когда становится очевидным, что развитие социума все больше зависит от объема знаний, которым оно располагает. К тому же именно в это время ученые развитых стран достигают зримых результатов в разработке технических средств хранения и обработки информации. В философской и научной среде модными становятся два термина – «постиндустриальное общество» и «информационное общество». Не являясь синонимами и фиксируя разные параметры бытия социума, они, тем не менее, довольно удачно воспроизводят специфику изменений, происходящих в обществе и связанных с его все возрастающей зависимостью от информации. Акцент на то, что общество вступает в качественно новый этап своего развития делают философы, ученые и

политики прежде всего Японии, США и Западной Европы. Одни сосредоточивают внимание на возрастании роли интеллектуального труда и сферы услуг, активно оперируя при этом термином «постиндустриальное общество» (Д. Белл, Р. Дарендорф, А. Турен, Ф. Ферароти и др.). Другие в центр своего внимания ставят именно информационные процессы, во весь голос говоря об информационном обществе (Е. Масуда, З. Бжезинский, М. Кастельес, А. Урсул и др.). Литература второй половины XX – начала XXI столетия напичкана и другими терминами, с помощью которых исследователи пытаются оттенить изменения, происходящие в жизни людей. Как только это общество не называют – посткапиталистическим, постбуржуазным, постэкономическим, постпротестантским, постцивилизационным, постисторическим, сетевым, обществом радикализованного модерна, постмодернистским, программированным, коммуникационным и т.д. Изобилие терминов совсем не способствует прояснению сути. Важно ведь не просто выделить одну или несколько черт, даже значимых, современного этапа общественного развития, а раскрыть его сущностные особенности, глубинные основания, ведущие тенденции. Это, к сожалению, пока наблюдается с трудом.

Если обратиться к истории становления и развития взглядов об информационном обществе, то станет очевидным, что процесс этот был и остаётся непростым. Во-первых, до сегодняшнего дня не сформировалась единая позиция относительно критериев этого состояния социума. Во-вторых, не существует устоявшейся концепции информационного общества. В литературе представлено много разных попыток осмысления данного феномена. В-третьих, сама практика функционирования социума выкристаллизовала основные пути возрастания информационной насыщенности общественной жизни. Как следствие, существует несколько моделей информационного общества. В-четвёртых, имеет место существенная эволюция взглядов на сущность и основные характеристики информационного общества. Трактовка его специфики и перспектив развития первыми исследователями данного феномена и современными специалистами сильно различаются.

Термин «информационное общество» в научный оборот ввели в начале 60-х годов XX ст. японские учёные Е. Масуда и Ю. Хаяша. Работы первого – «Компьютопия» (1966г.), «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1981г.), «Гипотезы относительно генезиса Гомо Интелидженс» (1985г.) – имели широкий резонанс. Это касается и нескольких документов, представленных японскому правительству государственными и негосударственными организациями этой страны. Агентство экономического планирования в 1969 г. подготовило исследование «Японское Информационное Общество: Темы и Подходы». Совет по вопросам структуры промышленности в этом же году представил «Контурь политики содействия информатизации японского общества». Институт разработки использования компьютеров в 1971 г. обнародовал «План информационного общества». В названных, а также других источниках, опубликованных в Западной Европе и США, делался вывод о серьезном влиянии постоянно растущего объема информации на функционирование и развитие стран и государств, особенно развитых. Речь шла преимущественно о **перспективах** бытия цивилизации в связи с открывающимися возможностями автоматизации производства, освобождения человека от тяжелого физического труда, изменения характера освоения и использования людьми знаний. В 1967 г. американский исследователь Д. Голбрейт в труде «Новое индустриальное общество» делает вывод, что индустриальная система, достигнув определенной степени зрелости «для обслуживания своих интеллектуальных и научных нужд... вызывает к жизни такую социальную силу, которая... отвергнет ее монополию на определение задач, стоящих перед обществом» [2, с.567]. По мнению Е. Масуды, движущей силой образования и развития общества в перспективе станет производство информационного продукта, а не материального. Первые теоретики информационного общества, как это нередко бывает с «первооткрывателями», с одной стороны, грешили утопизмом, а с другой – даже не представляли, насколько быстро отдельные положения их теоретических конструкций воплотятся в жизнь. Если говорить об утопизме, то тот же Е. Масуда считал, что

информационное общество будет бесклассовым. Социальные конфликты в нем исчезнут. Следовательно, объективно отпадает необходимость содержать большой государственный аппарат. Вполне можно обойтись небольшим правительством.

С позиций сегодняшнего дня все более очевидным становится то, что сформулированный полстолетия тому концепт «информационное общество» до последнего времени выполнял преимущественно функцию своеобразного футурологического образа, и пока так и не трансформировался в аргументированную концепцию перспектив развития цивилизации. Общественная практика в очередной раз показала, что реальная жизнь имеет собственную логику, далеко не всегда совпадающую с прожектами разума.

Распространенная дефиниция информационного общества как системы, функционирование которой зависит от создания, сохранения и функционирования информации, а также доступа к ней, является слишком абстрактным. Нельзя забывать, что информация – неотъемлемая составляющая бытия социума на всех его этапах. Поэтому, когда говорят и пишут, что это образование в современном обществе становится основной ценностью, то грешат неправдой. Такой ценностью выступает человек. Иное дело, что постепенно, но неуклонно, меняется статус информации как условия общественного и индивидуального бытия. Возрастает её значимость как товара. Технический, экономический, финансовый, политический, военный успех в современном мире все в большей степени зависит от количества и качества знаний, которыми располагают субъекты. Небывалый в последние десятилетия прогресс в области технического обеспечения накопления, сохранения, обработки и передачи информации кардинально изменил сам способ ее бытия и использования человеком. Все активнее заявляет о себе новый вид социального неравенства – неравенства доступа к информации. Возникли новые явления и проблемы, которых общество ранее не знало – информационная война, компьютерная зависимость, торговые операции через Интернет, несанкционированный доступ к секретной информации, хранящейся на электронных носителях и др. Поскольку широта,

размах функционирования информации в современном обществе в огромной степени зависит от соответствующих технических средств, многие специалисты, нередко и философы, давая характеристику данному историческому периоду, преувеличивают роль собственно технической стороны бытия информации, забывая, что любая техника, даже самая совершенная, – лишь компонент, составляющая производительных сил общества. На место и роль информации в современном социуме необходимо смотреть с иных позиций – в контексте её значимости для бытия общества в целом, влияния на все стороны общественной и личной жизни, обеспечения социального прогресса, увеличение возможностей человека, изменения способа и характера его бытия в мире, возрастания независимости от разрушительного влияния сил природы, возможности избавления от многих болезней, голода и бед, продления лет жизни и др.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о содержательных полях понятий «информационное общество» и «постиндустриальное общество», а также продуктивности их использования для характеристики современного этапа человеческой истории. В литературе по этому поводу существует несколько мнений. Первое: оба понятия можно использовать как тождественные. Второе: каждое из них имеет свою специфику, описывая один и тот же объект, они фиксируют разные аспекты, стороны его бытия. Третье: это разные по своему содержанию понятия, предназначенные для обозначения совершенно разных этапов, периодов функционирования социума. С позиций такой трактовки информационное общество исторически следует после постиндустриального. Все названные позиции имеют уязвимые стороны. Плодотворным, на мой взгляд, является подход к трактовке информационного общества на основе диалектического синтеза второй и третьей позиций. Его суть в том, что развитые страны мира, достигнув уровня постиндустриальности, свое дальнейшее развитие связывают прежде всего с производством и использованием информации. Она все больше становится той интегральной ценностью, от которой зависят перспективы существования всех сфер общественной жизни – от экономики до образования и политики. При этом нельзя забывать, что имея в обществе такой статус,

информация может его сохранять при условии, что люди будут продолжать обеспечивать нормальное функционирование социума и удовлетворять традиционные человеческие потребности, как материальные, так и духовные. В информационном обществе, как и раньше, крайне важны пища, жилье, здоровье, стабильность, мир, любовь, продолжение рода и др. Одной информацией сыт не будешь, да и любовь она не заменит. В нем не отменяются и не самоуничтожаются законы экономики, не исчезает социальное неравенство, не прекращаются политическое, военное, межконфессиональное, межэтническое противостояние. Общество продолжает жить своей обычной жизнью. Необычной в нем есть все возрастающая зависимость поступательного хода истории от объема и качества информации и умения эффективно использовать ее в общественной практике. Принимая во внимание место и роль информации в современных условиях, не стоит ее абсолютизировать. К сожалению, в подавляющем большинстве теоретических конструкций, касающихся информационного общества, авторами которых являются западные специалисты, такая абсолютизация в большей или меньшей степени присутствует. Так, английский ученый О. Тоффлер считает, что на смену производственным связям (он называет их индустриальными) со временем с необходимостью придут связи информационные, а ведущую роль в общественном развитии будет играть фактор знания. Американский социолог Т. Стоуньер отстаивает информационную теорию стоимости, в основе которой лежит признание особой роли знаний и технологий в производственном процессе. По его мнению, не труд, земля и капитал, а национальные информационные ресурсы являются основной экономической ценностью и одновременно главным источником богатства. Если потребление материальных ресурсов всегда ведет к возрастанию энтропии во Вселенной, то потребление информации сопряжено с обратным эффектом – увеличением ее объема и уменьшением энтропии. Французский исследователь А. Турен акцентирует внимание на то, что информация становится орудием создания нового уровня самоорганизации общества, что позволяет изменить сам характер

управления общественными процессами, по-новому осуществлять инвестиционную политику.

Называть общество информационным можно лишь в той мере, в какой информация, как особое социальное образование, меняет характер его функционирования, способствует трансформации общественных приоритетов, обеспечивает качественно новый способ удовлетворения потребностей, помогает утверждению нового качества общественных отношений. На мой взгляд, излишне категоричными являются утверждения, согласно которым нынешний этап развития истории – это и есть информационное общество. Возрастающая роль информации в общественной и личной жизни, массовое производство и потребление технических средств, обеспечивающих её функционирование, – отнюдь не достаточное основание для подобного утверждения. Здесь более уместно суждение диалектического характера – «и да, и нет». Предметный разговор об информационном обществе возможен лишь касательно очень ограниченного числа современных обществ, в которых информация принадлежит к числу приоритетных общественных и государственных ценностей, а её роль в общественной и индивидуальной жизни столь велика, что благодаря ей социальный организм обретает новые качественные параметры бытия. Кстати, распространенным является мнение, что если в стране «... в сфере труда доминирует группа работающих в сфере информации» [3, с.183], то такое общество является информационным. Небольшое количество остальных обществ переживает период количественных и качественных накоплений в информационной сфере, которые, при сохранении нынешних тенденций, позволят в будущем, вполне возможно, постепенно занять свое место в ряду информационных обществ. Подавляющее же большинство государств и обществ находится так далеко от этого рубежа, что высказывать какие-либо прогнозы относительно их информационного будущего – дело совсем безнадежное. Территория их бытия – информационная периферия. «Информационное общество не может утвердиться на планете само по себе, без целенаправленного действия людей. Для того, чтобы потенциальные возможности информатизации послужили

планетарному сообществу, необходимо много чего изменить в его устройстве и в стереотипах нашего сознания» [4, с.181].

Чем больше социум входит в стадию своей информационной зрелости, тем активнее проявляют себя факторы и тенденции, отличающиеся неоднозначностью. Это касается прежде всего как самих потоков информации, так и возможности использования ее во благо и во вред человеку. Как считают специалисты, распространение информации в современных развитых обществах носит квазианархический характер. Понять эту квазианархию не всегда представляется возможным. Во всех сферах общественной жизни, включая общение людей, резко возрастает доля знаковых систем, текстов, символов. Прямое, непосредственное общение индивидов, к сожалению, все чаще уступает место коммуникации, в которой связь между субъектами осуществляется посредством соответствующих технических средств – компьютера, телефона, факса, пейджера и др. Очень часто за знаками и символами ничего не стоит – одна пустота. Мощная предвыборная реклама кандидатов в депутаты и президенты совсем не означает, что в случае победы их на выборах обещанное будет реализовываться на практике, а сами они действительно обладают достоинствами, о которых громогласно заявляют. Деньги, находящиеся на счету в банке, нередко оказываются простыми цифрами. Превратить их в наличность в условиях экономического кризиса или совсем нельзя или это сопровождается невероятными трудностями. Так называемые электронные деньги вообще не предполагают своего опредмечивания, т.е. превращения в деньги «живые». Виртуальное пространство на мониторе компьютера вроде и существует, но лишь до того момента, пока он включен в электрическую сеть. Чтобы смотреть программы кабельного телевидения, обязательно нужен декодер, позволяющий «читать» цифровые носители информации.

Информационное общество диктует человеку свои правила «игры», нормы бытия в нем. Среди прочего они предполагают наличие у субъекта доступа к соответствующим техническим средствам, обеспечивающим хранение и передачу информации, а также определенный уровень знаний, позволяющий работать с

этими средствами, «читать» информацию, ею оперировать. Крайне важным является умение воспринимать ее адекватно, отделять главное от второстепенного, правду от лжи. Не стоит забывать, что при всей важности технической стороны, обеспечивающей функционирование информации, информационное общество – это, прежде всего, качественно новый способ и одновременно этап бытия социума. Информацию следует рассматривать как цивилизационный фактор. Можно и нужно говорить об информационной перспективе как конкретных обществ, так и человечества в целом. Постепенно увеличивается число тех, чья деятельность связана с информационными потоками. С одной стороны, резко возрастают требования к объему и качеству знаний, которыми владеет человек, их постоянному приращиванию и обновлению. Без этого индивид не в состоянии эффективно выполнять свои функции как субъекта деятельности. С другой – информация все больше превращается в инструмент власти, средство снижения себестоимости товаров, повышения производительности труда, орудие личного и общественного обогащения, канал расширения границ свободы. Она становится важнейшим фактором изменения качества жизни людей. Естественно, при условии, если государство и общество в этом заинтересованы. Особенности производственных отношений, характер социально-политического устройства общества, степень развитости институтов власти и зрелости правовой базы их функционирования, культивируемые в обществе ценности – все это и многое другое выполняет роль условий и факторов, влияющих на то, как именно – положительно или отрицательно – скажется возрастание роли информации в обществе на жизни людей.

В контексте соотношения теории и практики информационного общества, вторая значительно опережает первую. Теоретическая разработка процессов, связанных с влиянием информации на жизнь общества и его членов, идет хоть и активно, но без особых результатов, отличается чрезвычайным плюрализмом подходов и мнений, оперированием большим числом надуманных терминов и понятий, зачастую лишена конструктивности. При этом практика постепенно

выкристаллизовала ведущие направления (варианты) информатизации социума. Осмысление последних позволило сформулировать основные модели информационного общества. И хотя каждое государство выстраивает собственную стратегию информационного развития, учитывая экономические, политические и духовные особенности страны, знание специфики этих моделей позволяет использовать имеющийся опыт и избегать допущенных другими ошибок. Исследователи выделяют две **основные** модели созидания информационного общества – западную и восточную.

Западная модель – это путь информатизации, по которому идут индустриально развитые страны Западной Европы (Англия, Франция, Германия, Финляндия и др.), США и Канада. В рамках данной модели свою специфику имеют страны континентальной Европы и США, Англия, Канада. В контексте западной модели информация рассматривается, с одной стороны, как важнейший стратегический ресурс общества и государства, а с другой – как экономическая, политическая и культурная сила. В индустриально развитых странах информационная индустрия постепенно становится одним из ведущих секторов экономики, а вопросы функционирования информации получают статус экономических и политических приоритетов. Информацию Э. Тоффлер называет «самым важным (и неистощимым) сырьем для цивилизации...» будущего [5. с.560], а Д. Нейсбит «ключевым ресурсом», который «... не только возобновляемый, но и самовоспроизводящийся» [1, с.40]. Западный путь информатизации отличается серьезными финансовыми и интеллектуальными инвестициями в разработку и производство коммуникационных технологий и информационных услуг, реализацией их не только внутри страны, но и за рубежом, надлежащим правовым обеспечением этих видов деятельности, юридической защитой права интеллектуальной собственности, экономическими льготами со стороны государства для производителей этих товаров, использованием электронных коммуникаций в целях улучшения функционирования социальных связей во всех сферах общества, повышения

качества жизни своих граждан, защитой своего информационного пространства от влияния извне.

Восточная модель информационного общества имеет свою специфику по сравнению с моделью западной. В ней учитываются особенности экономики, политики и культуры стран азийско-тихоокеанского региона, в первую очередь Японии, Китая, Индии, Южной Кореи, Малайзии, Сингапура. Акцент делается на использование информации в управлении обществом, интенсификации экономики, разработку качественно новых технологий, развитие национальной культуры, совершенствование образования и воспитания. В определении путей информатизации вышеназванных и других стран большую роль играют национальные традиции. В Индии и Китае базовые принципы стратегии информатизации органично увязаны с традиционными для данных стран философскими учениями. В отличие от американо-английского пути информатизации, где частный сектор и рынок являются ведущими силами процесса, в азийско-тихоокеанском регионе, как и в странах континентальной Европы, имеет место тесное сотрудничество государств и частного капитала в теоретической разработке проблем функционирования информации и воплощения научных достижений на практике. Пальма первенства здесь принадлежит Японии.

Предметный разговор об информационном обществе невозможен без определения его критериев. Вопрос непростой. Во-первых, критерии нельзя выделять произвольно. Здесь не обойтись без методологии. Чем глубже она обоснована, тем лучше. Во-вторых, сами критерии должны отличаться универсальностью и иметь непосредственное отношение к сущностным параметрам бытия социума. Предлагаемые в литературе критерии информационного общества методологически крайне уязвимы (технологический, экономический, пространственный, критерий информационной насыщенности культуры и др.). В большинстве случаев они вообще не выдерживают аргументированной критики. К сожалению, в этом вопросе господствует субъективизм с выраженным уклоном в абсолютизацию технических аспектов бытия информации. Критерии эти полностью лишены универсальности. Это даже

не критерии, а черты, особенности современного этапа функционирования общества. Один из примеров такого подхода – предложенный американскими учёными Ф. Родригесом и Э. Вильямсом Индикатор технологического оснащения общества. Это системный показатель количественного и качественного состояния информационных и коммуникационных технологий в разных странах мира. Несомненно, такой показатель нужен, но он имеет чисто технический характер, как, кстати, и многие другие индикаторы: индекс технологического развития, предложенный ООН; индикатор прозрачности коммуникаций; индекс информационного общества и др. Нельзя забывать, что критерии периодизации человеческой истории должны позволять на одном и том же основании членить весь исторический процесс, а не быть обращёнными лишь к какому-то её конкретному этапу. Вместо упоминаемой выше универсальности имеет место локальность, фрагментарность видения проблемы. Акцент делается либо в целом на возрастание роли информации в жизни общества, либо на конкретные аспекты её функционирования. В контексте первого подхода речь идет об обществе, базирующемся на информации. Результатом второго есть множество дефиниций информационного общества, каждая из которых страдает ограниченностью. Какой же выход? На мой взгляд, его надо искать в сфере методологии, акцентируя внимание на системный характер социума, специфику взаимосвязи и взаимодействия компонентов базиса и надстройки в разные периоды его функционирования.

Список цитированных источников

1. Нейсбит, Д. Мегатренды / Пер. с англ. М. Б. Левина. – М., 2003.
2. Гелбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. – М., 2004.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2004.
4. Моисеев, Н. Н. Универсум. Информация. Общество. – М., 2001.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Пер. с англ. – М., 2004.

